

Смерть слуги «Образованного сатрапа» (Отступление пятое)

В 1956 году продолжалось возвращение имен, казалось бы, навсегда канувших в небытие. Наиболее заметно этот процесс шел в литературе и искусстве, писатели, поэты, артисты – у всех на виду, их исчезновение не проходит бесследно, и далеко не все оказываются забытыми, даже если их произведения исчезают с книжных полок, а имена больше не упоминаются в театральных афишах. Певца Первой конной и автора одесских рассказов Исаака Бабеля, неистового театрального режиссера Всеволода Мейерхольда в лихое время арестовали, осудили «тройкой» и расстреляли. Теперь их реабилитировали. И таких, как они, в литературе и театре насчитывался не один десяток. В 1956 году издаются полузабытые Иван Бунин, Сергей Есенин, Илья Ильф и Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Александр Грин, Николай Заболоцкий. В сборнике «Литературная Москва» напечатали стихи полузапрещенной при Сталине Марины Цветаевой. В Ленинградском БДТ прошел вечер памяти Александра Блока.

Люди радовались торжеству справедливости, пусть и посмертному, но радовались не все. 13 мая 1956 года, не выдержав пресса шедших, а тем более грядущих реабилитаций, у себя на даче застрелился писатель и бывший председатель сталинского Союза писателей Александр Фадеев, в последние полтора десятилетия он был доверенным лицом Сталина в литературе. В соответствии с заведенным Сталиным порядком, подпись Фадеева стояла на арестных списках членов Союза писателей, в том числе Бабеля, Пильняка и многих, многих других.

Он же готовил «хозяину» и списки к присуждению Сталинских премий. Правда, Сталин не очень полагался на литературный вкус Фадеева и возглавляемого им премиального комитета. Уже после многократных обсуждений кандидатур он мог прийти на заключительное заседание с парой затрепанных, многолетней давности журналов под мышкой и заявить, что вот эта повесть или роман ему пришлись по душе и заслуживают премии. Естественно, никому и в голову не приходило усомниться в качестве произведений, в конце концов, это его премии, и ему решать, кто их достоин, а кто нет. Так неожиданно-негаданно получили Сталинские премии начинающие писатели Виктор Некрасов и Юрий Трифонов. В этих двух Сталин не ошибся, через годы они стали настоящими писателями. Большинство же назначенных им лауреатов канули в лету.

Порой случались накладки, авторы понравившихся Сталину опубликованных несколько лет тому назад произведений теперь отбывали срок. Дальнейшее зависело от настроения «хозяина», иногда он удивлялся произошедшей «ошибке» и заключенный номер такой-то неожиданно обретал волю, а к ней – статус Сталинского лауреата. Иногда Сталин, с показным сожалением, откладывал книжку или журнал в сторону, узник так никогда не узнавал, что от лауреатства и свободы его отделял «хозяйский» каприз.

В отношениях «отца народов» с писателями Фадееву отводилась роль надсмотрщика. Он с ней свyksя, и она ему нравилась. В этом качестве Фадеев имел привилегию доверительных бесед с «хозяином», естественно, когда его звали, затем столь же доверительно доводил слова «хозяина» до доверенных писателей. Сталин благоволил к Фадееву, прощал ему то, что не простил бы никому из своего ближайшего окружения, смотрел сквозь пальцы на его многонедельные запои. Один раз он даже поинтересовался, не может ли Фадеев в порядке социалистического обязательства сократить запойный период до четырех-пяти дней? Фадеев замялся, а Сталин усмехнулся и перевел разговор на другую тему. Такой Фадеев Сталина устраивал.

Фадеев, в свою очередь, боготворил Сталина, положение доверенного слуги льстило его самолюбию, эта доверительность возвышала его над собратьями. Постепенно Фадеев растворил свое «я» в Сталине, он не мыслил себя без Сталина, служил Сталину, жил Сталиным. Что и говорить, Сталин умел заставить любить себя. Под его обаяние попадали многие выдающиеся писатели от Анри Барбюса и Лиона Фейхтвангера до Константина Симонова и Бориса Пастернака. Все они испытывали по отношению к Сталину... Я не берусь дать определение их чувствам. Вместо этого приведу несколько слов из письма Пастернака «дорогому Саше» (Фадееву), которое можно назвать одой на смерть Сталина: «Облегчение от чувств, теснящихся во мне последнюю неделю, я мог бы найти в письме к тебе. Как поразительна была сломившая все границы очевидность этого величия и его необозримости! Это тело в гробу с такими исполненными мыслями и впервые отдыхающими руками вдруг покинуло рамки отдельного явления и заняло место какого-то как бы олицетворенного начала, широчайшей общности, рядом с могуществом смерти и музыки, могуществом подытожившего себя века и могуществом пришедшего к гробу народа.

Каждый плакал теми безотчетными и неосознаваемыми слезами, которые текут и текут, а ты их не утираешь, отвлеченный в сторону обогнавшим тебя потоком общего горя, которое задело за тебя, проволочлось по тебе, увлажнило тебе лицо и пропитало собой твою душу...»

Лучше не выразить... Только прочитав это письмо, я ощутил, что они потеряли, чего они лишились, какие чувства их обуревали. Если Пастернак еще как-то мыслил себя без Сталина, то для Фадеева с его смертью вдруг все кончилось. Без Сталина и после Сталина Фадеев оказался не у дел. Писать он отвык. Последние годы в моменты просветления он по прямому указанию Сталина работал над романом «Черная металлургия», историей изобретателя нового метода плавки стали. Изобретатель и его метод имели реальных прототи-

пов в жизни. Сталин их поддерживал. Фадеев много времени посвятил изучению технологических тонкостей предполагаемого изобретения. Собственно, их описаниям и посвящен роман. И тут, в 1956 году, разразилась катастрофа: на поверку оказалось, что практической ценности изобретение не имеет, а без него и роман терял какой-либо смысл.

На профессиональное фиаско наложились служебные неурядицы. Хрущева Фадеев не устраивал ни своим неприкрытым сталинизмом, ни своей чисто физической неспособностью заниматься делами Союза писателей. Как писатель он тоже не отвечал литературным вкусам отца, который не находил в его произведениях столь ценимых им красочных описаний природы, не отличались они и сочностью языка. К тому же Хрущев как глава государства общался с другим типом людей, его волновали другие проблемы: эффективность экономики, производительность труда, урожайность, темпы строительства жилья. На их фоне писатели, их взаимные претензии, непрекращающаяся борьба друг с другом казались незначительными и неинтересными, и их «вождь» вдруг оказался невостребованным. Пару раз отец попытался поговорить с Фадеевым, но того, ушедшего в очередной запой, так и не смогли разыскать. Отец поставил на Фадееве крест, к себе его больше не приглашал. «...Положение отставного литературного маршала стало для него (Фадеева. – С. Х.) лютым мучением», – записал в своем дневнике старинный друг Фадеева писатель Корней Чуковский. Фадеев этого не понимал, не хотел и не мог понять, а на него продолжали сыпаться «неприятности».

В 1954 году на II съезде писателей первым секретарем Союза избрали не «бессменного» Фадеева, а поэта Алексея Суркова. В следующем году он потерял пост вице-президента Всемирного совета мира, его место занял Илья Эренбург. Фадееву пришлось довольствоваться рядовым членством в Бюро. И, наконец, главное – на XX съезде партии его не избрали в члены ЦК, перевели в кандидаты. Фадеев, не представлявший себе жизни вне власти, оказался в положении верного пса, со смертью хозяина отставленного от дома.

Фадеев сидел на даче, от отчаяния пил. Затем взял себя в руки и, если верить близкому другу Фадеева Эренбургу, «за последний, предсмертный месяц не выпил ни рюмки». Как и все алкоголики, резко выходящие из запоя, он впал в глубокую депрессию, на которую наложился «политический» стресс. Самоубийство в таком случае, по мнению психиатров, представляется больному единственным выходом, а у Фадеева к тому же, в отличие от рядовых советских алкоголиков, имелся револьвер. Находясь в состоянии похмельного синдрома, он пустил себе пулю в сердце. Так его и нашли – в одних трусах, полулежащим на пропитанной кровью кровати. Рядом на тумбочке стояла фотография Сталина, на полу валялся револьвер.

Другие, в основном друзья покойного, считают, что причиной самоубийства стал не алкоголь, а неизбывная тоска. Что ж, возможно, они и правы. Избавление от внутреннего рабства – процесс болезненный, Фадееву это оказалось не под силу.

В адресованном руководству страны письме он выплеснул все обиды, назвал их «самодовольными сатрапами, невеждами», в силу этого своего «невежества», отказавшим ему в общении, не идущими ни в какое сравнение с «образованным сатрапом-хозяином Сталиным».

Когда отцу доложили о случившемся, он распорядился устроить приличествующие рангу Фадеева похороны, а посмертное письмо отправил в архив.

И снова возникает параллель с Пастернаком. Он тоже тосковал по «хозяину», на самоубийство близкого ему по духу Фадеева отреагировал психологически примечательным стихотворением «Кулыт личности забрызган грязью...»

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы

Одних свиноподобных рож.

И культ злоречья и мещанства
Еще по-прежнему в чести,
Так что стреляются от пьянства,
Не в силах этого снести.

Написанные Пастернаком строки попали в очередную справку КГБ о настроениях в стране. Отцу их представляли еженедельно. Платные и бесплатные информаторы, последних среди писателей было более чем достаточно, регулярно сообщали, кто, что и кому сказал. Два десятилетия назад Сталин, из такого же доклада, узнал о непочтительном стихотворении Осипа Мандельштама, посвященном «Кремлевскому горцу». Поэт заплатил за него жизнью. Отец на донос собратьев по перу Пастернака не отреагировал никак, вернул сероголубую кагэбэшную папку без своих помет.

Слухи о самоубийстве Фадеева разошлись по Москве как круги по воде. «Мне сказали об этом в Доме творчества, – записывает по горячим следам Корней Чуковский. – Я сейчас же подумал об одной из его вдов, Маргарите Алигер, наиболее его любившей. Поехал к ней, не застал. Сказали: она у Либединских.

Там смятение и ужас, Либединский лежит в предынфарктном состоянии, на антресолях рыдает первая жена Фадеева Валерия Герасимовна, в боковушке сидит вся окаменевшая Алигер. Ее дети, в том числе и дочь Фадеева, в Москве, в Переделкино приехать не могут».

Я тоже бросился к отцу с расспросами, он, не вдаваясь в подробности, сказал, что подобный конец для запойных пьяниц скорее правило, чем исключение, самоубийство Фадеева – явление медицинское, а не общественное. Углубляться в подробности отец явно не хотел.

У Эренбурга я прочитал, что в сообщении о смерти Фадеева сначала хотели указать на алкоголизм как причину самоубийства, но писатели запротестовали. Маргарита Шагинян, женщина экзальтированная, якобы даже дозвонилась до отца и заявила, что в таком случае она тоже застрелится. Отец понимал, что все это пустяк, не тот она человек, чтобы стреляться, но и ссориться с ней не имело смысла. Слова об алкоголизме Фадеева из газетного сообщения исключили.

Фадеева жалко – и как человека, и как писателя – он тоже жертва Сталина, но конец его закономерен со всех точек зрения: гражданской, профессиональной и медицинской.

День за днем

15 мая 1956 года в СССР начались гастролы американского скрипача Игоря Стэрна.

6 июня 1956 года отменили введенную 3 октября 1940 года Сталиным плату за обучение в последних трех классах средней школы и в высших учебных заведениях. Ситуация парадоксальная – студент платил государству за свое обучение около трехсот рублей в год и, одновременно государство выплачивало ему стипендию, рублей 200–250 в месяц в зависимости от престижности учебного заведения. Почему Сталин так решил, не знаю, отец ничего об этом не говорил. Наверное, и сам не был в курсе дела. Отменить плату за обучение собирались еще годом раньше, но во время обсуждения вопроса на Президиуме ЦК отец в тот день почему-то отсутствовал, воспротивился Молотов – из бюджета тем самым изымался «лишний

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

миллиард рублей». Создали комиссию во главе с Микояном. Тот пошел к отцу. Отец посоветовал ему мнением Молотова пренебречь. Молотов обиделся, но от открытой полемики с Хрущевым воздержался.